

Мавринский Илья Игоревич

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры онтологии
и теории познания
Санкт-Петербургского государственного университета

РАЗУМ И БЕЗУМИЕ: НЕВОЗМОЖНОСТЬ ОПРАВДАНИЯ

Аннотация:

Статья посвящена анализу отношений между разумом и безумием в контексте оппозиции классической и неклассической философской мысли. Оппозиция разума и безумия рассматривается через понятия мира, порядка, произведения и предметности. В результате предметность и произведение обнаруживают себя как проявление и реализация субъективности.

Ключевые слова:

разум, безумие, оправдание, порядок, мир, произведение, предметность.

Mavrinsky Ilya Igorevich

PhD in Philosophy,
Senior Lecturer, Ontology
and Theory of Knowledge Department,
Saint Petersburg State University

MIND AND MADNESS: IMPOSSIBILITY OF JUSTIFICATION

Summary:

The article deals with the correlation of mind and madness in the context of opposition of classical and non-classical philosophies. The opposition of mind and madness is considered in terms of world, order, product and objectness. As a result, the objectness and the product manifest themselves as demonstration and implementation of subjectivity.

Keywords:

mind, madness, justification, order, world, product, objectness.

«История безумия в классическую эпоху» М. Фуко завершается словами, обнаруживающими проблематический – выводящий к современности, лишаящий ее привычных точек опоры и системы координат, разрывающий привычные связи тождества и различия – то есть критический, а не исторический горизонт. «Хитрость безумия торжествует вновь: мир, полагающий, будто знает меру безумию, будто находит ему оправдание в психологии, принужден именно перед безумием оправдывать сам себя, ибо в усилиях своих и спорах он соразмеряется с безмерностью таких творений, как произведения Ницше, Ван Гога, Арто. И нигде – менее всего в своем познании безумия – он не находит уверенности, что эти творения безумия оправдывают его» [1, с. 628]. Оправдание безумия сталкивается с оправданием мира и вбрасывает через посредство Произведения в пространство этики. Данное описание той ситуации, в которой оказывается современность, утратившая «голос безумия» [2], оказывается тем более парадоксальным, что мир как объект естественной установки [3] оказывается «по ту сторону» нравственного порядка, отсылает, скорее, к опыту и «царству природы» [4], нежели к номенальному существу и «царству свободы» [5]. Налицо оказывается некоторая оппозиция трансцендентально-феноменологической и постструктуралистской традиции как в отношении предмета (мир), так и в отношении метода (разум).

Однако ссылки на различие традиций оказывается недостаточно не только в силу наличествующей постструктуралистской рефлексии классического наследия, но и в силу того, что имеет место общий (формируемый или деконструируемый, учреждаемый или критикуемый, укорененный в структурах сознания или транслируемый дискурсами власти) порядок. Именно наличие общего основания – порядка оказывается тем, что позволяет поставить вопрос о возможности оправдания мира, месте безумия в системе разума и Произведении как способе доступа к предметности.

Введение, внесение порядка в классическом дискурсе отсылает к месту мышления, точнее, к границам его применимости, способности иметь дело с той или иной предметностью, равно как и с предметностью (беспредметностью) самого мышления. Путь, прочерченный классической традицией, проходит через утверждение порядка как коррелята существования к порядку как склонности разума.

Порядок как коррелят существования фиксируется в контексте основного вопроса метафизики: «Есть в природе порядок (Ratio), по которому предпочтительно существует нечто, а не ничто. Это следствие того великого принципа, в силу которого ничто не происходит без причины и должна быть причина, почему существует это, а не другое» [6, с. 234]. В основании этого порядка лежит не только совершенное существо как его (порядка) причина, но и поле возможностей, поразному относящихся друг к другу, друг с другом сочетающихся или, напротив, исключаящих друг друга. Именно переход из возможности в действительность оказывается реализацией порядка, то есть фиксирует стремление: «Итак, можно сказать, что все возможное стремится к существованию (existitur), поскольку оно имеет основание в необходимом Существо, действительно существующем, без которого нет пути к тому, чтобы возможное достигло осуществления»

[7]. Наконец, порядок, реализованный как целое, оказывается тем, что отсылает к устройству мира и связано не только с этикой, но и удовольствием: «Следует заключить вообще, что мир – это упорядоченное [целое] (κόσμος), исполненное благолепия, то есть так устроенное, что приносит величайшее удовлетворение тому, кто его понимает» [8, с. 236].

В свою очередь порядок как коррелят разума оказывается тем, что отсылает к регулятивам, то есть обнаруживает собственную необходимость не как необходимость предметности, но как необходимость разума. Порядок оказывается тем вспомогательным средством, которое достраивает до целого поле возможного опыта, полагает безусловное в ряду обусловленного, очерчивая тем самым границу познания. Это движение есть движение запрета на переход от определенного регулятивами целого к определению того, что подчинено власти конститутивов, и обратно. Именно с данным запретом связана существующая уже в качестве установки дифференция опыта (эмпирического) и свободы (нравственного). При этом для самого разума остается возможность такого перехода согласно принципу «как если бы» [9]: то, что запрещено в определении предметности, то есть в познании, оказывается разрешенным в самодеятельности разума, то есть в области долга и надежды. Равным образом выстраивание или обнаружение порядка оказывается связанным с удовольствием и есть склонность самого разума. «Правда, мы больше не испытываем заметного удовольствия от того, что мы постигаем природу и единство ее деления на роды и виды, что только и делает возможными эмпирические понятия, посредством которых мы познаем природу по ее частным законам, но в свое время это удовольствие, несомненно, существовало; и лишь потому, что без него не был бы возможен даже самый обычный опыт, оно постепенно смешалось с познанием и как таковое уже не замечалось» [10, с. 28].

Переход от понимания порядка как онтологически фундированного (Лейбниц) к порядку, центрированному на субъекте и обнаруживающему основание в возможности мыслить его (субъект) как ноуменальное существо (Кант), оказывается чреват целым рядом последствий. Во-первых, разум оказывается тем, что требует собственного удержания, определенной дисциплины, основанием выстраивания субъективности. Во-вторых, такого рода дисциплина разума связывается с его устройством, то есть обязана иметь в виду и брать в расчет его (разума) склонность, укрощение которой оказывается гарантией твердой почвы под ногами. В-третьих, укрощению противостоит вовсе не инерция разума или его недалечность, но удовольствие, которое фиксирует недостаточность рефлексии для реализации дисциплины разума. В-четвертых, разум оказывается предметом суждения, оценки, удержания, своего рода инструментом, то есть предстает как такое целое, которое отсылает к автономному порядку ответственности (как представляется, именно поэтому Кант рассматривал безумие как юридический, а вовсе не медицинский феномен). Таким образом, разум как некоторое устройство оказывается тем, что вступает в определенные отношения с субъектом, способом его сборки, стратегиями его субъективации, и именно разум оказывается главным свидетелем того, как выполняется назначение субъекта – забота о себе.

Столь исключительная роль разума, его власть над субъектом и способами реализации субъективности оказывается тем, что ставит разум перед лицом безумия. Безумие обретает свое место в пространстве недолжного, предполагает наличие целого ряда техник выстраивания дистанции по отношению к себе самому, определяет понятие нормы и окончательно закрепляет власть порядка. Именно то, что безумие становится безгласным, ложится в основу методологемы, согласно которой разум обнаруживает, понимает и выстраивает себя именно через ряды различий, выступая тем самым инстанцией тождества, всякий раз отодвигая безумие в область иного.

Порядок как порядок разума, таким образом, содержит и жест отстранения (своего рода цензуру), и жест узнавания (своего рода признание). Отношения между узнаванием и отстранением и формируют установку финальности порядка. Именно здесь и обнаруживается проблема, ставшая своего рода камертоном для философии XX в.: невозможность удержания предметности в рамках порядка, то есть такую его (порядка) автономию, в которой под вопросом оказывается все то, что формировало, фундировало и утверждало порядок в классической мысли. Констатации необходимости возвращения к вопросу о смысле бытия (Хайдеггер), вещам (Гуссерль), истине субъекта (Фуко) обнаруживают не только утрату или дистанцию, но и отсутствие доступа к предметности, то есть необходимость обнаружения того порядка движения, в котором предметность обнаруживает собственную возможность или укорененность. Иными словами, порядок как то, что гарантировало наличие твердой почвы под ногами, порядок как «правильное» имение дела с предметностью и, наконец, порядок как дисциплина, необходимая для реализации заботы в своей финальности, оказывается тем, что ведет лишь к утрате и почвы, и предметности, и субъекта.

Чрезвычайно логичным и даже естественным в таком случае оказывается ответ на констатацию невозможности финального порядка: порядок как господство тождества начинает разрушаться, деконструироваться, обнаруживать собственную альтернативу именно через отказ от того принципа, незыблемость которого полагается в качестве условий его (порядка) возможно-

сти, – отказ от принципа тождества. Необходимость возвращения сопровождается растождествлением того, к чему следует вернуться: вещи, бытия, мира, субъекта. Именно здесь, в столкновении тождества и различия, порядка и предметности, повседневности и события, то есть в столкновении стремлений и природы разума и автономии и свободы безумия и рождается то, что фиксируется Фуко под рубрикой «оправдания». Если мир должен оправдать безумие как реализованную возможность, то есть включить его в порядок, сформировать жест отстранения, то безумие должно оправдать мир как полученное и разрешенное инстанциями порядка удовольствия, продиктованное склонностью, то есть легитимировать финальность, завершенность, остановку, обнаружить пространство признания.

Вопрос об оправдании помимо способа, каким оправдание может быть получено, легитимировано, истребовано, предполагает еще и инстанцию, перед которой оправдание может быть осуществлено, к которой оно направлено. Очевидно, что такого рода инстанцией не могут выступать ни безумие, манифестирующее многообразие различия, ни разум, легитимирующий тождество. Здесь и обнаруживают себя произведение и предметность, то есть структуры раскрытия и обнаружения. Если произведение оказывается тем, что еще со времен Канта игнорирует границу между безусловным и общезначимым, то есть оставляет в качестве предмета воли вопрос об ограничении гения вкусом и способностью суждения [11], то предметность обнаруживает саму границу как положенную, подразумевая принципиальную незавершенность любого способа реализации субъективности и указывая на нее. То, что обнаруживает произведение, выводит к непотаенности [12], всегда уже раскрыто в предметности.

Таким образом, предметность обнаруживает себя как еще одно основание, некоторая допускающая структура, экспликация которой порождает то, что А. Бадью называет швами [13]. Стремление разума к порядку формирует матему, ограничение этого стремления, его обрыв – поэму, устанавливаемое безумием различие позволяет говорить о любви, тогда как фиксация и рефлексия различия обнаруживают место политики. В необходимости «расшиться» в таком случае видится необходимость отказа от оправдания как того, что согласно классической мысли принципиально не может иметь места в нравственном порядке. Легитимность такого рода отказа обнаруживает себя в простом указании: если классическая мысль имеет дело с порядком как предметом обнаружения, экспликации, манифестации, то есть фиксирует принципиальную возможность оправдания чего бы то ни было, а значит, его (оправдания) не легитимность, то неклассическая мысль обнаруживает столь же принципиальную невозможность оправдания. Точка, с которой начинается современность, та позиция, на которую указывает Фуко – невозможность оправдания безумия миром и мира перед лицом безумия, есть в таком случае путеводная нить, следуя которой можно избежать практически неизбежного стирания субъекта как рисунка на песке. В этом смысле произведение, обнаруживающее эту невозможность, есть предельная манифестация субъективности.

Ссылки:

1. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010. 698 с.
2. Там же.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М., 1999. 486 с.
4. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения : в 8 т. Т. 3. М., 1994. 741 с.
5. Кант И. Критика практического разума // Там же. Т. 4. М., 1994. 630 с.
6. Лейбниц Г.В. Порядок есть в природе // Лейбниц Г.В. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М., 1982. 636 с.
7. Там же.
8. Там же. С. 236.
9. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения : в 8 т. Т. 5. М., 1994. 414 с.
10. Там же. С. 28.
11. Там же.
12. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. 448 с.
13. Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003. 184 с.

References:

1. Foucault, M 2010, *History of madness in the classical age*, Moscow, 698 p.
2. Foucault, M 2010, *History of madness in the classical age*, Moscow, 698 p.
3. Husserl, E 1999, *Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy*, vol. 1, Moscow, 486 p.
4. Kant, I 1994, 'Critique of Pure Reason', in Kant, I, *Works: 8 vols.*, vol. 3, Moscow, 741 p.
5. Kant, I 1994, 'Critique of Practical Reason', in Kant, I, *Works: 8 vols.*, vol. 4, Moscow, 630 p.
6. Leibniz, GV 1982, 'The order is in the nature', in Leibniz, GV, *Compositions: 4 vol.*, vol. I, Moscow, 636 p.
7. Leibniz, GV 1982, 'The order is in the nature', in Leibniz, GV, *Compositions: 4 vol.*, vol. I, Moscow, 636 p.
8. Leibniz, GV 1982, 'The order is in the nature', in Leibniz, GV, *Compositions: 4 vol.*, vol. I, Moscow, p. 236.
9. Kant, I 1994, 'Critique of Judgment', in Kant, I, *Works: 8 vols.*, vol. 5, Moscow, 414 p.
10. Kant, I 1994, 'Critique of Judgment', in Kant, I, *Works: 8 vols.*, vol. 5, Moscow, p. 28.
11. Kant, I 1994, 'Critique of Judgment', in Kant, I, *Works: 8 vols.*, vol. 5, Moscow.
12. Heidegger, M 1993, 'The question of technique', in Heidegger, M, *Time and Being*, Moscow, 448 p.
13. Badiou, A 2003, *Manifesto of philosophy*, St. Petersburg, 184 p.